

ВВЕДЕНИЕ

Глобальный взгляд на прогресс западной цивилизации, предложенный Норбертом Элиасом, основан на постепенном приручении эмоций, которое приводит к нарастающему самоконтролю субъекта¹. Ученый показывает, как природная эмоциональность медленно вытеснялась на периферию публичного пространства и заменялась строго кодифицированными правилами хорошего тона. Эта европоцентричная и очень оптимистичная по своей сути теория вызвала многочисленные дискуссии, но была все же воспринята с большим уважением. Она продолжает традиции старой школы многоликой гуманистической мысли: ее представители верят в способность себе подобных с течением времени меняться к лучшему, как это делали многократно цитируемый Элиасом Эразм, мечтавший о скором наступлении золотого века, или Кондорсе, полагавший, что «род человеческий уверенно идет по пути правды, доброты и счастья».

Научный труд Элиаса, появившийся в 1939 году, был интеллектуальным противоядием темной угрозе нацизма. В работе не рассматриваются сенсорные явления, известные науке сегодня. В качестве основного примера автор использует двор Людовика XIV и, кроме всего прочего, связывает изучаемый цивилизаторский процесс с подавлением

телесных функций и умалением чрезмерных или неприличных реакций в присутствии посторонних. Согласно теории Элиаса, новые модели поведения, прививаемые детям в высших слоях общества едва ли не с рождения, вызывают все нарастающее индивидуальное неприятие агрессивности. Затем этот процесс распространяется на другие социальные группы.

Это явление можно рассмотреть и под иным углом. Главная тема настоящей книги — запах. О запахе много говорится в новаторских текстах по воспитанию, например в труде Эразма «О приличии детских нравов», опубликованном в 1530 году на латыни и предназначенном для избранной публики. Согласно позднейшим научным открытиям, запах — это ворота, через которые входят и запоминаются эмоции. Вероятно, обоняние — единственное чувство, которое основано не на врожденном, а на приобретенном, на опыте*. Двойственные сигналы, посылаемые обонянием, могут вызывать как удовольствие, так и страх или отвращение. Мне представляется, что, используя огромное количество информации, оставленной живыми существами, которых давно уже нет на свете, можно создать некую экспериментальную историю.

Для этого нужно попытаться понять, как функционировал их мир, каково было их восприятие и мышление, а не проецировать на них наши собственные допущения и предположения. Именно благодаря этому исторический подход, что бы о нем иногда ни говорили, может помочь приблизиться к некоторой объективности. Отвращение, вызываемое запахом, в действительности не запрограммировано биологически. Например, чтобы у европейского ребенка возникло отвращение к собственным экскрементам,

* См. ниже, гл. I.

нужно по крайней мере четыре-пять лет. Мало кто из наших современников соглашается с этой мыслью, предпочитая считать, что это отвращение так же естественно, как и универсально. В действительности же речь идет о многовековом культурном давлении. Усилие, упрямо повторяемое каждым новым поколением, вызывает у индивида чувство отвращения и стыда по отношению к тому, что производится кишечником. Едва уловимый запах этой субстанции в буквальном смысле вызывает у нас тошноту. Такое же непреодолимое отвращение может вызвать ее созерцание и даже «туалетный юмор»: появление неприятного запаха вызывает возмущение всех чувств и сообщается от чувств разуму. Совсем иначе обстояли дела в XVI–XVII веках. Неприятные запахи вызывали отвращение лишь у незначительного меньшинства, дистанцировавшегося не только от народных масс, живущих в постоянной вони, но и от многих интеллектуалов, в частности сказочников — любителей и распространителей мощной скатологической культуры².

Отдавая должное Норберту Элиасу, пионеру в этой области, «Цивилизация запахов» основывается не на столь прямолинейной перспективе, как его книга. Значительные обонятельные мутации, наблюдаемые в период от эпохи Возрождения до Первой империи, не вписываются в схему неизбежного прогресса человеческого разума. Напротив, в первую очередь их нужно расшифровывать исходя из главных тревог наших предков. Речь ни в коем случае не идет о попытке реабилитации старого доброго времени, потому что нечистоты и чудовищная вонь были тогда вездесущи, воздух был особенно пропитан тошнотворными испарениями в городах, зажатых стенами. Еще хуже обстояли дела со зловонием в городах в XVIII веке, когда начались бурный рост населения и индустриализация. Так продолжалось вплоть до создания в конце XIX века

канализации (глава II). Подобное постоянство не дает поверить, что основная причина изменений, случившихся с обонянием при Старом порядке, — это периодическая более или менее успешная борьба с застоявшимся запахом нечистот. Современники с легкостью приноравливались к нему. Вынужденные повсюду видеть и чувствовать запах раблезианской «веселой материи»*, они не демонстрировали ни малейшего отвращения ни к фекалиям, ни к моче, оставленным людьми или животными. К тому же из этих субстанций делались лекарства от разных болезней и косметические средства. До 1620-х годов то, что сейчас вызывает у нас отвращение, с восторгом описывалось в стихах и прозе. Запахи экскрементов и немытого тела составляли существенную часть в эротическом и сексуальном воспитании — как в элитарной среде, так и в народе (глава III).

Ряды тех, кто не склонен к подобным удовольствиям, растут в трагическую эпоху религиозных войн. С 1620 года нетерпимые католики или кальвинисты начинают наступление на проявления животного начала в человеке. Используя упрощающую двойственность обоняния (и не подозревая об этом), они вдохновляют множество последователей. Они учат, что демоны укрываются, свернувшись, в нижней части человеческого тела, там, где скапливаются экскременты и моча. Тем самым закладываются отдаленные основы психоанализа. Самые пламенные речи направлены против женщин. Этим ораторам вторят врачи, которые также считают женщин отвратительными по природе своей, особенно во время менструаций, но исключительную ненависть мужчин вызывают старухи — этот феномен описан в огромном количестве литературных произведений. В период наиболее

* Термин «веселая материя» был введен М. Бахтиным в книге «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса». Мюшембле ссылается на его текст далее, см. с. 60. — *Примеч. ред.*

сильного женоненавистничества многих женщин обвиняли в колдовстве и в близости к дьяволу и сжигали на кострах (глава IV). Тогда же свирепствовала чума, и медики объясняли ее постоянное возвращение сатанинским дыханием, отравляющим воздух. Амбра, мускус и цивет* признаются единственными орудиями в борьбе с вызывающим ужасные эпидемии дьявольским духом — метафорой греха. Люди создавали себе настоящие душистые доспехи, способные защитить от напасти, а врачи наперебой уверяли, что мор можно обуздать еще более сильным зловонием. В бесчисленных научных трактатах говорилось, что смертельная болезнь вызывается любым отвратительным запахом, тогда как сладкие запахи, исходящие от мощей святых, открывают двери в рай (глава V).

Таким образом, духи изначально играли профилактическую роль, а также использовались в качестве средства соблазнения. Ароматы, имеющие двойственную природу, переносят как худшее, так и лучшее: извлекаемые из половых желез беспощадно уничтожаемых для этих целей экзотических животных, они возвещают о смерти людей своей эпохи, которая интимным образом ассоциируется с жизнью, эротикой и любовью. Напрасно охранители проклинали тех, кто пользовался духами для удовольствия. И богачи, и бедняки считали духи не только единственным средством от чумы, но и камуфлировали ими вонь, исходящую от их собственных тел, — на протяжении двух столетий мыться было не принято. Такая популярность духов обеспечивала благосостояние перчаточников-парфюмеров, потому что одежда и изделия из кожи должны были быть сильно надушены, чтобы защитить владельца

* Секрет желез циветты — животного, которое также называют вивера. — *Примеч. пер.*

от заражения. Первая ольфактивная (обонятельная) революция Нового времени произошла в период между Ренессансом и царствованием Людовика XIV (глава VI). В ходе второй, развернувшейся в эпоху Просвещения, мы видим полный отказ от мускусных запахов, на смену которым приходят фруктовые и цветочные запахи, а также ароматы специй. В отсутствие решительного прогресса в борьбе со зловонием она в основном исходит из культурного и социального выбора. Возможно, это было некое бегство от усиления фекальной вони, от которой не могли скрыться ни самые могущественные, ни самые богатые? Эта вторая ольфактивная революция поддерживалась нарастающим отвращением к нездоровым запахам, источаемым духами и изделиями из кожи — и те и другие изготавливались из останков животных. Коллективная чувствительность действительно претерпела глубокие изменения. После 1720 года чума отступила, а дьявола бояться перестали, и поэтому борьба с силами зла при помощи духов стала бесполезной. Женщины перестали быть объектом ненависти, и у ухаживающих за ними мужчин пропала необходимость покрывать себя броней из запахов. Сладкие и нежные духи — реванш женственности, которая нашла опору в смягчившемся взгляде на природу. Особенно это было свойственно аристократическому обществу и салонам эпохи Просвещения. В период между 1789 и 1815 годами в моду возвращаются мускусные запахи — в этом отразилась эпоха войн и завоеваний, однако духи на основе цветочных и фруктовых запахов своего первенства не уступали (глава VII).

Эти же запахи продолжают нравиться женщинам и в наши дни. Что бы ни говорили отдельные комментаторы, наша эра не является эрой тотальной дезодорации. Подобная интерпретация лишь маскирует внушительные изменения в понятиях о страдании и смерти, отныне скрытых от глаз

и носов. Человек западного общества, конечно же, не потерял способности к обонянию. Наука, столь долго не уделявшая достаточного внимания этому явлению, в последнее время не только открыла его для себя, но и возвела в ранг самого острого из всех имеющихся чувств, способного воспринимать миллиарды оттенков. Чтобы попытаться понять столь внезапную реабилитацию обоняния, исследователям надо для начала разобраться в современном состоянии знаний по этому увлекательному вопросу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	6
Глава I. Уникальное чувство	13
<i>Всегда ли объективна наука?</i>	13
<i>Опасность, эмоции и вождление</i>	17
Глава II. Повсеместное зловоние	30
<i>Смрад средневековых городов</i>	32
<i>Городские клоаки</i>	34
<i>Деньги не пахнут</i>	41
<i>Профессиональные загрязнения воздуха</i>	47
<i>Благоухающие деревни</i>	51
Глава III. О веселых материях	58
<i>Ученая скатологическая культура</i>	59
<i>Ароматические блазоны</i>	63
<i>Смех рассказчиков</i>	71
<i>«Способ добиться успеха»</i>	84
<i>Пахучие ветры</i>	95
Глава IV. Запахи женщин	104
<i>Демонизация запаха женщины</i>	106
<i>Когда от дамы пахнет не розами</i>	112
<i>Держать на расстоянии</i>	118
<i>Как женщинам внушали чувство вины</i>	121
<i>«Эротическое дыхание»</i>	131
<i>Вонючие «утки»</i>	133
<i>Низкопробная литература</i>	136
<i>Старуха и смерть</i>	138
<i>Демонические удовольствия</i>	143

Глава V. Дыхание Дьявола	147
<i>Ядовитые испарения</i>	148
<i>Зачумленные города</i>	151
<i>Душистые доспехи</i>	157
<i>Душистые ритуалы</i>	162
<i>Рута, уксус и табак</i>	167
<i>Помандеры</i>	170
Глава VI. Muskusные духи	176
<i>Источники молодости</i>	178
<i>Амбра, мускус и цивет</i>	192
<i>Визиты к перчаточникам-парфюмерам</i>	199
<i>Эротичность кожи</i>	203
<i>Времена «короля-солнца». Ничего нового?</i>	209
<i>Сублимация смерти</i>	217
<i>Массовое убийство животных</i>	219
Глава VII. Цветочные эссенции-цивилизаторы	222
<i>Революция в мире ароматов</i>	225
<i>Чувственные ванны</i>	230
<i>Соблазнительная кожа</i>	233
<i>Душистые волосы</i>	240
<i>Аромат пудры</i>	242
<i>Имперский парфюмер</i>	252
Заключение	263
Примечания	279
Литературные источники и библиография	291
Список иллюстраций	303
Указатель имен	304